

АЛЕКСАНДР ОЖИГАНОВ

Шестикнижие

ПАЛЬМИРА
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос-Рус)
О45

Составители С. Варкан, Т. Ковалькова

Ожиганов А.

О45 Шестикнижие / Александр Ожиганов. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2021. — 290 с. — (Серия «Часть речи»).

ISBN 978-5-517-02803-7

«Шестикнижие» – сборник из первых шести книг в авторской редакции, созданных в период наивысшего подъёма творческих сил — с 1963 по 1979 год. В качестве предисловия впервые публикуется лирический очерк Олега Охапкина (с сокращением поэтических цитат, которые целиком приведены в тексте) о его друге Александре Ожиганове, написанный в 1976 году. Заключает книгу примечательный во всех отношениях текст «Попытка биографии», впервые опубликованный в антологии «У Голубой лагуны».

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос-Рус)

© Ожиганов А., 2021

© Оформление.

АО «Т8 Издательские Технологии», 2021

ISBN 978-5-517-02803-7

Лирический очерк об Александре Ожиганове

Если вспомнить определение поэзии, данное Кольриджем: Лучшие слова в лучшем порядке, то многие поэты наших дней окажутся чуть ли не вне её пределов. Но в том-то и состоит вечная тайна поэзии, что определить её можно только стихами, а уж в них мы как-нибудь разберёмся: в поэзии они или вне. С пределами придётся проститься сразу.

Передо мной стихотворная книга Александра Ожиганова «Стрекоза». Это первая книга поэта. Она рождалась на моих глазах, и я доподлинно знаю её содержание, но зная имя, не осмелюсь вторгаться в тайну. Зато мне есть что порассказать о самих стихах, вошедших в эту воздушную книгу.

Как не верти сие трепетное создание, Кольридж тут ни при чём. Лучших слов в лучшем порядке не сыщешь. Да и что есть эти лучшие слова? Самые точные? — Едва ли. Стихи бывают прекрасны и своей неточностью, слова их подчас волнуют мерцанием ускользающего образа, смысла, наконец, многозначностью семантических связей, музыкой. А если всё это есть, то могут ли быть более незаменимые звуки, чем те, какие мы слышим в лучших стихах лучших поэтов: и тех, кто предпочитал слова точные, и тех, кто выбирал самые туманные, тёмные, чуть ли уже и не слова, а признаки тайны.

Есть речи. Значенье
Темно или ничтожно.
Но им без волненья
Внимать невозможно.

Пусть муза Ожиганова подтвердит это вслух!

Стрекоза

1.

Смотри любимая сестра
смотри ноябрьская гроза
смотри у синего костра
опять танцует стрекоза
Опять кристаллы папирос
опять безлюдный перевал
опять ложится поперёк
тропы колючий астрагал
Смотри никто нас не спасёт
смотри ни ангелов ни фей
смотри как медленно ползёт
к тебе последний муравей

2.

«Я муравей а не царь
зарезь меня и зажарь
на этом костре
по ветру пепел развей
я не царь а муравей»
он говорил сестре
«Ты муравей а не царь
ну что же мне очень жаль
но я не пойму
что мне до грусти твоей
ты не царь а муравей», —
она отвечала ему

.....

Что это? — Стихи. При том настоящие, ожигановские, каких мы не слышали. Что за голос в этих странных стихах, где нет знаков препинания, а душа поэта

высказывается так, будто их и не надо. И без них интонация столь достоверна и пронзительна, а строфика столь естественна, выразительна и прекрасна, что эти почти бесплотные звуки флейты становятся дуновением ветра на перевале, дыханием самой осени, течение еле приметного глаза Времени. Вот вам и первый сборник поэта, сама душа этого сборника. Эти образы сквозят на протяжении всей книги, тягучей и долгой, как те десять лет, в какие она была создана.

Стихи написаны в 1969 году. К тому времени я знал Сашу четвёртую осень и уже природнился к стихам его, к нему самому, ко всему, что принёс в мою жизнь этот странный молчальник, глуховатый к стороннему шуму нападок и похвал. Так близко свела нас тайна поэзии, какой мы тогда взалкали, так и не утолив нашего юношеского голода обильными продуктами тех лет, завалившими полки книжных гастрономов. И вот от этой жратвы остались одни прилагательные. А тайна поэзии, взыскуемая нами, оказалась судьбой и жертвенным словом, в котором вино вдохновения столько раз отдавало памятью крови.

С тех пор много чего утекло в потоке, где мы время от времени встречались глазами, а то и просто отражались в безразличной струе под солнечными и пасмурными небесами России.

То мы на пару сгребали снег вокруг Эрмитажа.

То я доискивался своего приятеля в полку в Старом Петергофе, где он имел случай служить так близко от Сосновой Поляны, нашей общей с ним и привычной провинции. То он возвратился ко мне из армии, уже из Вологды, куда занесла его солдатская доля. То, наконец-то, я махал к нему в Молдавию, о которой столько от него слышал.

Там — в Молдавии и на Лимане я посетил с ним все те места, какие подарили нам, северянам, не очень-то южного поэта — его самого — Александра Ожиганова.

Места явились мне именно такими, какими они проглядывают в его стихах. Днестр уносил к Русскому морю быстротекущие мутные воды. Бендеры и Тирасполь выглядели томящими и безвыходными, примерно такими местечками, от которых истари бежали поэты. Бежал и Ожиганов. Впрочем, не бежать было бы и невозможно. Поэты с таким дарованием всегда разрывают сомкнутый круг родных заборов и стен.

Я вырываюсь из кольца
Родного города, родного
И нелюбимого лица.
Прощая, плешивый Иегова!

Это стихи 1965 года. Юноша определил свою предысторию как нечто ветхозаветное, уже пришедшее в его сердце, обновлённом стихией поэзии. А в 1973 году он заканчивает стихотворение о Бендерах следующими словами:

Я руки за спиной сведу и сяду.
Что нужно мне?.. Мне ничего не надо.
Но что здесь моему подвластно взгляду?
Всё, от чего не оторвать мне взгляда!

Но ещё было местечко Парканы. Его хорошо видно с высокого берега Днестра в пыльных Бендерах. Огромное болгарское село за Днестром. Черепичные крыши мазанок напоминают полотна Сезанна.

Там среди неоглядных виноградников и непролазных садов отстоялась какая-то невыразимая горечь поэта, лишённого дара солнца в этой распалённой солнцем земле, но зато в преизбытке наделённого, нет, не грустью, (в нём ничего нет расплывчатого, туманного), но какой-то неодолимой тоской, процеженной сквозь

крупницы слов, подобных магическим кристаллам здоровой аттической соли.

Диалог

«Не останавливайся здесь:
Ты всё ещё в гостях — не дома!
Всё смысла лишено, всё невесомо.
Не соль и суть — а вспененная взвесь.
Не останавливайся здесь!
Здесь кое-что тебе знакомо...
Усадьбу белого детдома
Ты видишь, поглядев отвесно ввысь.
Там ангел в белом колпаке
И вылинявшей куртке,
Там ангел кроткий, ангел жуткий
Обломок кирпича зажал в руке.

.....

«Не останавливайся здесь!» Это всего лишь мучительное заклятье, сердце же навсегда остановилось где-то здесь над взвесью, вспененной и невесомой, то есть над неоглядным и непроглядным Днестром.

Это и другое стихотворение написаны после армии, когда Александр Фёдорович Ожиганов искал где ему, наконец-то, остановиться. Это — пейзаж и местобиталище детской души, которую тянет над рекой памяти, как во сне, неодолимая тяга Времени.

Села дощатый тротуар
И клёны тонкие в гурьбе...
Я получил сегодня в дар
Воспоминанье о тебе.
О детство в солнце голубом!
Окна узорчатая резь...
Не воскресает ли в былом
Всё — похороненное здесь?

В этих стихах с беспощадной отчётливостью отразился образ тех мест уже не жизни, но души, где через год я удивлялся верности этих скупых и чуть горящих слов.

Даже «окна узорчатая резь» была действительно узорчатой. В Бендерах есть колокольня, построенная каким-то итальянцем, там же и похороненным. В проёмах её звона узорчатой резью, какая относится и к нестерпимому свету в окнах, переливается таинственная решётка странного оптического эффекта, о котором ничего достоверного я так и не смог узнать у знакомых архитекторов и физиков.

А это голубое солнце! Что за нежность и горечь! И это на юге — лунное солнце... Что же! Вполне возможно, что зрение поэта до сих пор остаётся детским и сверхчувствительным. Даром, что у Саши очень плохое зрение. Впрочем, ему дано видеть нечто большее, может быть, даже оттенки избыточного ультрафиолетового свечения далёкого солнца детства.

Это далёкое солнце детской души до сих пор освещает бесприютную жизнь поэта, где бы он ни скитался.

Да, стихи Ожиганова как-то по-особенному угрюмы, чуть ли не безысходны, но в них всегда царит латинская ясность и уравновешенность.

Юго-запад уже в который раз одаривает нашу поэзию дарами Назона, незримо блуждающего где-то там по Дунаю, Днестру, Лиману и Понту. Там и я порой слышал его стенания и «голос, шуму вод подобный».

Антиох Кантемир, Херасков, Пушкин, Багрицкий, Штейнберг, Рейн, Ожиганов... Вот те имена, приходящие мне на память при воспоминаниях о Бендерах, Кишинёве, Аккермане, Одессе.

Если сказать откровенно, Ожиганов родился в Одессе, одесситом и вышел. Такой же, как все они — одесситы, — неунывающий, земной, вещный. Вот толь-